

ПОДВИГЪ ВЛАСТИ

(Опытъ по исторіи государственныхъ идеаловъ Россіи)

I

На страницахъ древнихъ дѣписаній и иныхъ произведеній письменности стараго и новаго времени неоднократно говорилось о вѣнценосныхъ витязяхъ, властодержцахъ - подвижникахъ и поборникахъ правды. Ихъ подвиги, окруженные славою, становились предметомъ любимыхъ народныхъ пѣсенъ и былинъ и краснописныхъ книжныхъ сказаній. Не только повѣствованіе о тѣхъ или иныхъ — дѣйствительныхъ или сказочныхъ — событіяхъ и фактахъ составляетъ содержаніе этихъ произведеній. Въ нихъ находятъ выраженіе нѣкоторыя общія идеи, имѣющія опредѣленное правовое и государственное значеніе. Уясненіе нѣкоторыхъ сторонъ идейнаго, государственно - правового содержанія древнихъ произведеній письменности и является темой настоящей статьи.

Существуетъ два вида подвиговъ. Одни — рождаются изъ ощущенія въ себѣ могучей природной силы. Это подвиги былинныхъ богатырей — здѣсь средствомъ является сила, все уничтожающая на своемъ пути, не знающая себѣ противниковъ и препятствій. Цѣль такихъ подвиговъ состоитъ не столько въ служеніи ближнему, сколько въ естественномъ желаніи размыкать силу богатырскую, показать удалъ молодецкую. Самая сила, требующая исхода, подсказываетъ цѣль ея проявленія и ея дѣйствіе, и оно, далекое отъ подвига духа, есть лишь

броженіе безсознательной, слѣпой силы природы. Богатырскіе подвиги и самое превосходство естественной силы даютъ, конечно, ихъ обладателю и власть, и почетъ, и значеніе. Но общество, во главѣ котораго стоятъ подобныя богатыри, но есть, въ сущности, государственное образованіе, а скорѣе построеніе, основанное на сочетаніи, равновѣсіи стихійныхъ силъ. Такіе подвиги нравственно и юридически безразличны.

Но мы знаемъ и другой видъ подвиговъ, цѣлью которыхъ является служеніе праву, правдѣ и справедливости. Только подвиги послѣдняго вида ведутъ къ образованію истиннаго общественнаго порядка и крѣпкихъ государственныхъ устоевъ. Высшее проявленіе такого подвига есть подвигъ любви, страданія, самопожертвованія во имя Божіе, во имя высокихъ убѣжденій, ради ближняго и отечества. Пути къ нему мы находимъ въ страданіи, очищающемъ и возрождающемъ человѣка.

Въ христіанствѣ подвигъ страданія получаетъ высочайшее религіозное освященіе: всѣмъ людямъ и подчиненнымъ и властвующимъ преподана заповѣдь послѣдованія Христу. Примѣръ Его, обязательный для каждаго христіанина, — тѣмъ болѣе обязательнъ для властодержателя. Ибо сказано въ Евангеліи: „кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій — какъ служащій. Ибо кто больше: возлежащій или служащій? не возлежащій ли? А я посреди васъ, какъ служащій“.

Страдальческому подвигу Христа — Царя Царей и Господа Господствующихъ послѣдовало во времена гоненій на христіанство безчисленное, несчетное множество мучениковъ и великомучениковъ за вѣру, и въ томъ числѣ лица, облеченныя властью. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ можетъ служить гибель св. великомученика Арефы, который указалъ въ своихъ предсмертныхъ словахъ на необходимость первенства даже въ мученическомъ подвигѣ для лица, облеченнаго властью. Когда вмѣстѣ съ нимъ были приведены „на посѣченіе“ и

всѣ „воины подручники его“ и каждый изъ нихъ другъ передъ другомъ спѣшили „на посѣченіе“, то Арефа запретилъ имъ, говоря: „азъ, братіе, у земного царя преже васъ и больше васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хошу видѣти Небеснаго Царя“...

Мысль о необходимости подвига власти продолжала развиваться и послѣ торжества христіанства, она прочувствовалась въ Византіи и нашла себѣ самое полное осуществленіе въ знаменитомъ подвигѣ послѣдняго Византійскаго царя Константина.

Такое обязательство лица, облеченнаго властью слѣдуетъ не только изъ смысла евангельскихъ текстовъ, но находить себѣ дальнѣйшее развитіе и въ позднѣйшей церковно-правовой и исторической письменности. Даже въ одномъ изъ законовъ, помѣщенныхъ въ Синтагматѣ Матѳея Властаря, къ царю прямо предъявляется требованіе, чтобы онъ былъ „якоже нѣкъ подвигоположникъ“.

Правда, нужно оговориться, что мысль эта получила большую остроту въ славянскомъ переводѣ. Въ греческомъ же подлинникѣ она выражена менѣе опредѣленно¹⁾. Но тѣмъ любопытнѣе, что именно на славянской почвѣ христіанское ученіе наиболѣе полно отражается на построеніи понятій о власти. Нѣкоторая почва для развитія представленій о подвигѣ власти существовала у южныхъ славянъ, но ихъ историческія судьбы сложились слишкомъ неблагоприятно, чтобы какое-либо ученіе могло получить достаточное завершеніе.

Особенное развитіе мысль объ обязательности для представителя власти быть „подвигоположникомъ“ получила на Руси. Святая Русь, Русь многострадальная съ особою любовію лелѣетъ думу о князѣ - подвигоположникѣ.

¹⁾ Тамъ славянскому слову „подвигоположникъ“ соответствуетъ греческое *ἀγωνοθέτης*. Что касается славянскаго термина „подвигоположникъ“, то оно несомнѣнно, ибо въ житіи кн. Михаила Черниговскаго Христоръ и кн. Михаилъ Черниговскій именуется подвигоположниками.

И если въ исторической дѣйствительности была не только Русь святая, но и Русь многогрѣшная — то все же среди преступлений и грѣховъ — душа народная искала подвига и воплощала свое исканіе въ идеальномъ и сверхъ-дѣйствительномъ образѣ князя-подвигоположника... Обращаясь къ историческимъ источникамъ, трудно отдѣлать въ нихъ историческую правду отъ идеализующаго домысла — правды надисторической. Но поскольку въ этихъ строкахъ мы вовсе не касаемся внѣшней исторіи — но исключительно исторіи и дей — такіе домыслы никакъ не менѣе важны для насъ, чѣмъ факты внѣшнихъ событій...

Уже въ древнѣйшее время население съ особенною любовью относится къ князю страдальцу за землю Русскую. Однимъ изъ первыхъ отраженій такого уклона мысли является житіе св. Бориса и Глѣба. То же міровоззрѣніе наложило свой отпечатокъ на поученіе Владимира Мономаха.

Послѣдній подробно описываетъ, какъ онъ, не зная устали, трудился и страдалъ за свою землю. „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и зимѣ, не даю собѣ упокою: на посадника не зря, ні на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ“. Трудился онъ „не блюдя живота своего, ни щадя головы своея“.

Объ изложенныхъ въ „Поученіи“ достоинствахъ Мономаха говоритъ и Кіевскій Митрополитъ Никифоръ въ посланіи своемъ къ этому князю: „Что подобаеть глаголати къ такому князю, иже болѣ на землѣ спитъ и дому бѣгаетъ и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ (избѣгаетъ ношенія свѣтлыхъ одѣяній)... и самъ убо служиши и стражеша рукама своима... княженія ради и власти...“

Но въ дотатарское время мысль о страдальческомъ подвигѣ князя не получаетъ еще достаточнаго развитія. Наряду съ нею въ душѣ князя живетъ еще и даже преобладаетъ любовь къ подвигу богатырскому, находящему удовлетвореніе въ самомъ себѣ. Для древняго князя

война не есть страданіе по необходимости, а любимое занятіе, исканіе славы и хвалы за свою удадь и силу. Отъ исканія славы еще далеко до страдальческаго подвига. Если мы вдумаемся глубоко въ лѣтописныя повѣствованія о Кіевской Руси, то мы почувствуемъ, сколько было въ ней былиннаго, богатырскаго духа. Это время не столько князей страдальцевъ за Землю Русскую, сколько храбрыхъ и удалыхъ Мстиславовъ, совершающихъ богатырскіе подвиги ради славы свѣта сего. Однимъ изъ послѣднихъ былъ Мстиславъ Романовичъ Храбрый Кіевскій, который, когда ему сообщили о приближеніи Татаръ, чтобы показать свою удадь, съ похвалюбою заявилъ: „Дондеже есмь на Кіевѣ, то по Яико и по Понтійское море и по рѣку Дунай саблѣ не махивати“. Коренной переломъ наступаетъ съ появленіемъ Орды. Послѣ татарскаго разоренія подвиги князей становятся труднѣе, самоотверженнѣе. Темныя тучи злосчастія сгущаются надъ землею Русскою и настроеніе подвига и страданія тяжелымъ бременемъ ложится на душу народную и его князей. Тяжелая необходимость толкаетъ на подвиги и постепенно вырабатываетъ заповѣдную думу о князѣ-подвигоположникѣ. Въ этомъ отношеніи роковое монгольское нашествіе оказываетъ облагораживающее вліяніе на построеніе русскихъ понятій о государственной власти. Длинный рядъ княжескихъ именъ пріобщается къ лику великомучениковъ.

Князь Михаилъ Черниговскій отвергъ „вся пустошная міра сего“, „богатство и славу суетную, еще есть худъше паучины“ и рѣшилъ на тяжкій подвигъ страданія за вѣру Христову и за „люди Божіа“, перемѣнивъ „мимотекущее“ на „присносущее“. Тѣло его стало „жертвой благопріятной Богу“, онъ сталъ причастнымъ первыхъ святыхъ мучениковъ „ликостоянію“, получилъ имя „новоявленнаго Христова великомученика“. Онъ пострадалъ во имя торжества правды надъ беззаконіемъ, свѣта надъ тьмою, православія надъ басурманствомъ.

Вмѣсто княженія „дневнаго“, преходящаго и славы міра сего, обѣщанныхъ ему „дневнымъ“ царемъ за отреченіе отъ вѣры, онъ предпочелъ царство вѣчное, „иже не имать конца никогда же“. Ибо „земная ничтоже есть, но и мимо течеть и скоро погыбаетъ и яко сонъ и яко дымъ; небесная же — благая и присносушая и бесконечная“. Но „мученикъ великоименитый“ и исповѣдникъ Михаилъ отойдя „къ подвигоположнику своему Владыцѣ Христу“, не только сталъ добропобѣднымъ наслѣдникомъ царствія небеснаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, положилъ твердое основаніе тому великому государственному идеалу власти, который далъ силы строительства народу русскому, вывелъ его изъ царства гибели и далъ ему могущество и славу. По сказанію, надъ тѣлами убіенныхъ князя Михаила и боярина его Феодора явился столпъ огненный, сіяющій „пресвѣтлыми зорями“, послышалось пѣніе ангельское. Это былъ столпъ будущаго величія русскаго, пророчествовавшій о силѣ того царственнаго идеала власти, пути котораго указаны Михаиломъ и проложены послѣдующими вѣками.

За княземъ Михаиломъ Черниговскимъ слѣдуетъ великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, который „много пострадалъ въ Ордѣ отъ безбожныхъ татаръ за землю Русскую, многое истомленіе принялъ“. Потомство послѣдняго, образовавшее Тверскую вѣтвь княжескаго рода, особенно проникнуто настроеніемъ подвига, неуклонной борьбы и даетъ наибольшее количество князей страдальцевъ. Они не склонны итти ни на какія сдѣлки со своею совѣстью, ради улаженія трудныхъ положеній не уклоняются съ прямого пути. Въ этомъ огромное и незабываемое значеніе Твери въ развитіи русской государственности. Именно Тверскіе князья больше другихъ подняли свѣтлое знамя Михаила Черниговскаго и образовали изъ себя истинную семью князей великомучениковъ. Въ 1318 году великій князь Михаилъ Ярославичъ Тверской „по Господню слову пріялъ вынужденную смерть

за христіанскій русскій народъ и за отчину свою. Сподобилъ его Богъ единого пріять блаженную страсть за многочисленный народъ христіанскій, русскій; хотя и не ради вѣры, — говоритъ лѣтописецъ, — убить былъ блаженный, какъ святые мученики, но по заповѣди Спаса, приведенной въ Евангеліи: „Болше сеа заповѣди любвенѣсть, иже кто положитъ душу свою за другы своя“. Сію заповѣдь Божию христолобивый князь выполнилъ съ успѣхомъ, и неуклонно шествуя по пути страданій за порученныхъ ему Богомъ людей, и радуясь тому, онъ пришель, какъ вѣрный „сторитель, къ своему Владыкъ“.

Также и сынъ его Александръ и внукъ Феодоръ скончался мученическою смертію въ Ордѣ, „совершили теченіе свое за христіанъ, за русскій народъ, и восприняли „добропобѣднѣй“ вѣнецъ мученія отъ руки Вседержителя“.

Постепенно мученическая кончина за землю русскую переходитъ изъ ряда дѣяній въ народный идеаль, въ нравственное требованіе, предъявляемое къ князю. Князь уже нравственно обязывается къ совершенію подвига, къ самопожертвованію ради своего народа.

Мало того, лѣтописецъ прямо уже проповѣдуетъ князьямъ идеаль святости, убѣждаетъ „подобитися святымъ и подвижно искати спасенія“.

„О возлюбленніи князи Русіи! не прелщайтесь пустошію, славою свѣта сего, еже хуждыше паучины (паутины) и яко стѣнь (тѣнь) мимо идетъ; не принесостъ бо ни что же на свѣтъ сей, ни отнести что можете... возлюбите чистоту, да радости святыхъ сподобитесь“.

Проповѣдь эта стоитъ въ тѣсной связи съ воззрѣніемъ, ставящимъ благоденствіе или бѣдствія страны въ зависимости отъ благочестія или пороковъ князя. Уже въ Лаврентьевской лѣтописи имѣется такое разсужденіе: „Аще бо князи правдиви бывають въ земли, то многа отдаются согрѣшенія земли; аще ли зли и лукави бывають, то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то

глава есть земли". Естественно, что народъ, усваивавшій начала подобныхъ возрѣній, начиналъ требовать отъ князя праведности не только вслѣдствіе желанія имѣть хорошаго правителя, но также изъ опасенія бѣдствій, вызванныхъ поведеніемъ злого и лукаваго князя.

Это ученіе о подвигахъ власти, какъ нѣкоторое идеальное требованіе, воспринимается затѣмъ и Московскими князьями... Нашей задачей отнюдь не является разсказъ изъ исторіи московской политики, почти всегда умной и ловкой, временами коварной и хитрой. Для насъ существенно, что и эта весьма земная и ловкая политика временами просвѣтлялась сіяніемъ высшихъ идеаловъ и подвиговъ, никогда не упускала изъ виду конечныхъ цѣлей отстаиванія Православія и Родины. Но сколько ни было темнаго въ исторіи Москвы — наряду съ этимъ всегда существовалъ высокій государственный идеаль, который давалъ власти силу и достоинство въ глазахъ народа и сопрягался съ исторической дѣйствительностью въ поворотные узловые моменты русской исторіи. Такими моментами были: закладываніе основъ московской государственности, какъ обще-великорусской — на полѣ Куликовомъ и выходъ Москвы на пути великодержавія — черезъ развалины Казанскаго кремля. Содержаніе идеальной государственной доктрины московской письменности, въ значительной мѣрѣ, хотя и не вполне, приурочено къ разсказу объ этихъ историческихъ событіяхъ и поясняется имъ... На этихъ событіяхъ въ ихъ идеальномъ построеномъ обликѣ — мы сосредоточимъ первоначально наше вниманіе, оставляя въ сторонѣ задачи объективнаго изложенія дѣйствительныхъ событій и разсматривая историческій разсказъ, прежде всего съ точки зрѣнія исторіи и идей...

Передъ Куликовской битвой, Дмитрій, объѣзжая полки, говорилъ такъ: „возлюбленніи отцы и братія, Господради... и своего ради спасенія подвизайтесь за православную вѣру и за братію нашу! вси бо есмы... братія, едини внуци Адамли, родъ и племя едино, едино креще-

ніе єдина вѣра христіанскаа, єдинаго Бога имѣемъ... Христа...; умремъ въ сій часъ за имя Его святое, и за православную вѣру, и за святаѣ церкви, и за братію нашу за все православное христіанство!“

И онъ не только другихъ велъ въ битву, пить страдалческія чаши, но самъ прежде всѣхъ сталъ на бой, на первомъ ступѣ, и долго бился съ татарами. Нѣсколько разъ князья и воеводы уговаривали его не битися впереди, но стать сзади или на иномъ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Но онъ отвѣчалъ имъ, говоря: „да како азъ възглаголю кому что: подвизаемся братіа, крѣпко на врагы, а самъ стоя позади и лице свое крыа (укрывая)? не могу азъ сіе сотворити, еже таити и скривати себя, но хошу якоже словомъ, тако и дѣломъ преже всѣхъ самъ начати и преже всѣхъ главу свою положить за имя Христово... и за вѣру христіанскую и за все православное христіанство, да и прочіи, видѣвшіе мое дръзновение, и тиі такоже да сотворять со многымъ усердіемъ“...

Вообще вся Куликовская битва велась, въ противоположность битвѣ при Калкѣ, съ опредѣленнымъ сознаниемъ мученическаго подвига. Его сознавалъ не только самъ князь, но и всѣ соратующіе съ нимъ воины. Это сознание получило свое образное выраженіе въ видѣніи одного изъ воиновъ полка князя Владиміра Андреевича. Стоя въ дубравѣ въ засадѣ, и видя, какъ татары избиваютъ православныхъ, онъ пришелъ внезапно въ изступленіе и его очамъ представилось, какъ множество безчисленное вѣнцовъ мученическихъ сходило на головы павшихъ въ битвѣ.

Сознание необходимости крестнаго подвига власти жидо въ душѣ даже такихъ Государей, какъ Иванъ Грозный. Уже отецъ его, Василій Ивановичъ, предъ смертью завѣщалъ ему благочестно управлять „скипетро крестомъ и хоругви всего Русскаго царствія“, и благословилъ его крестомъ животворящаго древа.

Особенно ярко проявляется это настроеніе Грознаго въ лучшіе годы его царствованія, особенно при походѣ на Казань. Повѣсть о взятіи Казани, переданная въ Царственной Книгѣ, стараясь угадать думы царскія, такъ ихъ передаетъ: „глаголетъ въ себѣ (царь) сидевая (таковыя слова): ...Боже!.. устроилъ мя земли сей православной и всѣмъ людемъ своимъ царя и пастыря, вожа и правителя (царемъ и пастыремъ, вождемъ и правителемъ), еже правити ми люди Его въ православіи непоколебимомъ быти, еже пасти ми ихъ отъ всѣхъ золь, находящихъ на ны, и всякыя нужда ихъ исполняти... воистинну бо сей есть пастырь добрый, и же душу свою полагаетъ за овца“... „не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему дажь славу, настави насъ, Господи, на путь спасенія и даруй ми пострадати за имя твое святое и за порученное мнѣ христіанство“.

У самыхъ стѣнъ Казанскихъ царь обращается къ войску со слѣдующей рѣчью: „Приспѣ, князь Володимеръ Андрѣевичъ и всѣ бояре и воеводы, время нашему подвигу, еже за благочестіе поборати! потщитесь, пожалуйте, единодушно пострадати за благочестіе, за св. Церкви и за св. нашу православную вѣру христіанскую, за едиnorodную нашу братію православныя христіане... Воспомянемъ Христово слово: ничтоже сего болши еже душа полагати за други своя... послужите, сколько вамъ Богъ поможетъ, не пощадите головъ своихъ за благочестіе, нѣсть бо си смерть, но животь... Азь съ вами самъ на се придохъ, лутче себе избрахъ здѣ умерети, неже жити и видѣти имамъ за грѣхи своя Христа хулима и порученныя мнѣ отъ Бога христіане злѣ мучимыхъ отъ безбожныхъ казанцовъ...“

О другого рода подвигахъ мечталъ сынъ его Феодоръ, котораго житіе именуеть крестоноснымъ царемъ, царемъ праведнымъ и святымъ. Онъ не прельщался „красными вѣка сего“, но „Богу повсегда умъ свой вперяше“ и желалъ „насладится вѣчныхъ благихъ“

и сподобиться небеснаго царствія. Его подвиги были тихіе и неслышные, но подъ его правленіемъ отдохнула и опочила земля Русская.

Ученіе о подвигѣ власти пріобрѣтаетъ въ Московской письменности законченный видъ и слагается въ опредѣленную теорію. Подробное развитіе она получаетъ на страницахъ книгъ Царственной и Степенной и въ другихъ сочиненіяхъ. Въ Царственной книгѣ очень любопытно поученіе митрополита Макарія къ Ивану Грозному. По его разсужденію, многіе древніе цари сотворили многія побѣды, были прославлены и спасены потому, что сохранили „смирненную мудрость и чистоту“. Какъ первый христіанскій царь Константинъ и царь Θεодосій Великій и прочіе греческіе цари, сохранивши чистоту, сотворили многія побѣды и прославлены были отъ Бога, также и князь Владиміръ Святой и его сыновья, внуки и правнуки, всѣ Россійскіе князья и цари, многія побѣды сотворили „надъ погаными“ и прославлены были отъ Бога.

Степенная книга ставитъ вопросъ шире. Она прямо устанавливаетъ причинную зависимость между княжескими подвигами и величіемъ Москвы. По ея теоріи, власть русскаго княжескаго рода сохранилась и могущество Россійскаго Царства расширилось, благодаря неуклонной вѣрности православію, благочестію и святости многихъ князей. Въ доказательство правильности своего положенія Степенная книга приводитъ цѣлый рядъ житій святыхъ русскихъ князей. Владиміра Святого она именуетъ „Новымъ Израилемъ“, ибо потомство его за благочестіе и подвиги умножилось, какъ песокъ земной, какъ звѣзды небесныя. Это потомство въ свою очередь отличалось множественностью подвиговъ: „Ови же безсупружествомъ, истомою, иночествомъ, и мученіемъ за Христа, и на бранехъ храбро-

стью, и благодарнымъ терпѣніемъ восплененіихъ, въ нуждахъ, и въ юзахъ, и въ темницахъ, и въ междуусобныхъ крамолахъ озлобленіемъ и лишеніемъ очію и заточеніемъ, и ини же самовольною нищетою и странствіемъ и богомудростнымъ претворенія уродствомъ, и бездомъствіемъ во отечествіихъ и въ чужеземствіихъ, и прочими добродѣтелями“... Подобными „многообразными подвигами“ „Россійскіе началодержцы“ не только расширили предѣлы царства Русскаго и укрѣпили власть, но также приблизились къ Богу: они „водрузили отъ корени (родового древа) и отъ вѣтвей непоколебимую лѣствицу на небо, восходящую будто златыми „степенми“ и по ней утвердили себѣ и „сущимъ по нихъ“ невозбраненъ восходъ къ Богу“.

Такъ утвердился владѣтельный родъ „богоутвержденныхъ скиптро-держателей, просіявшихъ въ благочестіи въ Русской землѣ, скиптро-держателей, которые были отъ Бога, подобно райскимъ древесамъ, насаждены у истоковъ водныхъ и явились напоемые правовѣріемъ, возвращаемые богоразуміемъ и благодатію, осіяваемые Божественною славою, какъ садъ доброросленъ, красенъ листіемъ и благоцвѣтущъ“.

Было бы, конечно, непростительной ошибкой принять повѣствованіе письменности за историческую дѣйствительность; идеалы, высказанные въ рѣчахъ царскихъ и изложенные въ книгахъ, служили отнюдь не единственными побудителями дѣятельности нашихъ князей и царей, но идеалы всегда выше дѣйствительности и, все же, они продолжаютъ жить въ душѣ народа и въ письменности въ видѣ ли отвлеченныхъ положеній или любимыхъ образцовъ лучшихъ изъ князей.

Московская государственная старина и государственные идеалы во многихъ отношеніяхъ жили очень долго. Идеаль мученическаго подвига власти, кромѣ христіан-

скихъ ученій, поддерживался также необходимостью для всей страны вести вѣчную, почти непрестанную и очень тяжелую борьбу съ многочисленными непріятелями, нападавшими со всѣхъ сторонъ на русскія границы.

Идеаль этотъ не исчезаетъ и послѣ паденія татарскаго ига, но постепенно видоизмѣняется; къ началу мученическаго подвига въ этомъ идеалѣ присоединятся и начинаетъ занимать преобладающее мѣсто начало подвига неустаннаго, тяжелаго труда власти, ведущей свой народъ къ благоденствію и просвѣщенію.

Въ теченіе вѣковъ несли Россійскіе властодержцы „Великое Служеніе“ своему народу, служеніе творческое, полное трудового и мученическаго подвига.

Несли это служеніе они не одни: вмѣстѣ съ ними подвигъ страданія, подвигъ служенія Царству Всероссійскому совершалъ въ теченіе вѣковъ и весь русскій народъ. Издавна русской письменности извѣстно представленіе о великихъ жертвенныхъ испытаніяхъ Святой Многострадальной Руси. Уже та же Степенная Книга говоритъ о Христовомъ жребіи русскаго народа и о крестоносной хоругви Россійскаго Царствія. И уже съ древнѣйшихъ временъ люди русскіе слагали головы свои за Святую Софію, за Спаса, за вѣру православную и за Землю Русскую. Бились они, отстаивая кровью и страданіями своими историческія основы и развитіе русской и міровой культуры. Бились противъ Басурманскаго восточнаго и юга — половцевъ и печенѣговъ, монголовъ и татаръ, болгаръ и мордвы, бились противъ латинянъ-нѣмцевъ, ляховъ и угровъ. И впереди ихъ шли князья-подвигоположники, бились въ первыхъ рядахъ. Кровью русскою политы, костями православными устланы безконечныя равнины Восточной Европы.

А внутри страны въ военное и мирное время ради той же вѣры православной, ради великихъ святорусскихъ идеаловъ и своего „отечествія“ тянули люди русскіе „тягло“. Тянули его князья и бояре, окольнічьи и дво-

редкіе, стольники и чашники, дворяне московскіе и жильцы, дворяне по выбору и дворяне городовые и дѣти боярскіе, гости, купцы и посадскіе, стрѣльцы, пушкарі, зитинщики и воротники, крестьяне и бобыли, и всѣ служилые и жилецкіе люди и все всенародное множество всѣхъ государствъ великаго Россійскаго царствія. Тянули тягло не только потому, что того требовало правительство — царь и бояре, — но еще въ большей степени потому, что крѣпко было въ народѣ сознание въ необходимости тягла для спасенія русской земли, самаго ея существованія отъ тѣснящихъ ее со всѣхъ сторонъ басурманъ и латинянъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, Русь истекала кровью, защищая свои предѣлы...

И не напрасны были многовѣковыя усилія и трудъ, многовѣковыя испытанія въ тяжкихъ страданіяхъ. Пройдя подъ водительство своего благочестиваго и крестоноснаго вождя долгій крестный путь, Россія достигла величія и славы. Мощная и непобѣдимая раскинулась она отъ моря Варяжскаго и горъ Угорскихъ до Каменнаго пояса и просторовъ Сибири, отъ морей Русскаго и Хвалынскаго до вѣчной ночи моря Студеннаго. Опочило на ней, единой хранильницѣ истиннаго христіанства, благословеніе Божіе и оградило ее крестное знаменіе.

II

Не только русская, но и почти всякая государственная власть созидалась и создается самоотверженіемъ и подвигами. Въ русскомъ историческомъ прошломъ примѣчательно то, что положеніе это запечатлѣно въ немъ въ формѣ особой идеально-государственной доктрины. Доктрина эта достигла наибольшей законченности и полноты въ XVI в. Этимъ предѣломъ и ограничиваемъ мы наше изложеніе, стремясь изобразить русскую идеально-государственную доктрину именно въ томъ видѣ, въ какомъ сложилась она къ XVI вѣку.

Необходимо обратить вниманіе на то, что въ старой русской доктринѣ подвигъ власти, какъ можно усмотрѣть изъ предыдущаго, былъ не только рядомъ важныхъ дѣяній, но вмѣстѣ требованіемъ правовымъ и нравственнымъ, проявленіемъ порядка, аналогичнаго порядку естественнаго права. Я говорю аналогичнаго, — ибо представленіе о естественномъ правѣ хотя и до нѣкоторой степени существовало въ древней Руси, но оно не получило еще достаточнаго развитія и совершенно особаго мѣста въ нашемъ древнемъ міровоззрѣніи. Хотя въ одномъ изъ славянскихъ переводовъ XI столѣтія XIII словъ Григорія Назіанзина дается совѣтъ родственникамъ заботиться другъ о другѣ, „чинъми и законъмъ естъственъимъ“, однако, юридическіе термины того времени не были точно установлены и, вообще, понятія тогда еще не дифференцировались: цѣлому ряду нашихъ современныхъ понятій соотвѣтствовало одно болѣе обширное понятіе древней Руси. Въ томъ числѣ, болшею частью, и понятіе, аналогичное понятію естественнаго права, входило въ составъ болѣе обширныхъ понятій „закона“ и „правды“.

Представленіе о „законѣ“ совершенно не соотвѣтствовало нашему современному представленію о немъ. Оно обозначало одновременно: вѣру, вѣроисповѣданіе, законъ религиозный, нравственный и естественный и, наконецъ, законъ государственный. Его нельзя было устанавливать произвольно, — ни князь, никакая другая власть на Руси не могла издавать законовъ (князь издавалъ лишь уставы, устанавливалъ уроки). Законы были вѣчными и неизмѣнными правилами, установленными на вѣчныя времена Богомъ, православнымъ царемъ, имѣвшимъ пребываніе въ далекомъ Цареградѣ, или изначальнымъ обычаемъ.

Самый терминъ „право“ тогда еще не существовалъ. Онъ зарождается въ послѣдствіи въ Западной Руси и получаетъ во всей Россіи признаніе только при Петрѣ Великомъ. А до того его замѣняетъ болѣе обширное понятіе, именуемое „правдой“. Этимъ именемъ обозначаются и

нормы справедливости и естественнаго права, и право государственное и международное, и право гражданское и уголовное. Совокупность нормъ положительнаго права, право въ объективномъ смыслѣ именуется „Правдой Русской“, правдами именуются и международныя и между-княжескія договоры. Сюда же относится и право въ субъективномъ смыслѣ, напр., Новгородцы считаютъ своей правдой право свое на ненарушимость новгородскихъ государственныхъ границъ, и князя почитаютъ правдой свои субъективныя права на княжескій столъ. Такимъ образомъ, понятіе о „правдѣ“ совмѣщаетъ въ себѣ множество современныхъ нашихъ понятій: сюда входятъ не только право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ слова, право положительное и идеальное, но и правда — справедливость и правда Божеская.

Но постепенно начинается расчлененіе понятій. Единая Вселенская правда, являющаяся въ разныхъ видахъ отраженіемъ вѣчной Божеской справедливости, начинаетъ распадаться на свои логическія составныя части. И процессъ этотъ обостряется послѣ Татарскаго нашествія. Самыя историческія событія подсказываютъ нашимъ древнимъ книжникамъ необходимые логическія выводы. Монгольское нашествіе рѣзко и насильственно нарушило старую русскую правду, издавна установившійся государственный и правовой строй. Другъ противъ друга, лицомъ къ лицу стало два враждебныхъ государственныхъ порядка: порядокъ русской, христіанской, любимый и уважаемый князьями и народомъ, и другой — порядокъ ордынскій, ненавистный народу русскому. Первый почитается дарованнымъ милостію и благодатію Божіей за добродѣтели прежнихъ благочестивыхъ началодержцевъ русскихъ, во святыхъ своихъ прославившихъ родную землю. Въ этомъ порядкѣ воплощается истинная идеальная правда христіанская, благословенная церковью и десницею Божіею. Во главѣ его стоитъ князь-подвигоположникъ, слуга Божій, посаженный на „престоль правды“ служителями алтаря Господня.

Другой порядокъ — ордынскій, почитается ниспосланнымъ на землю Русскую „попущеніемъ“ Божиимъ за грѣхи, за гордость и похвальбу князей русскихъ и всего народа. Во главѣ его стоитъ злочестивый и беззаконный царь татарскій, Измаильянскій и всѣ злочестивые измаильтяне. Этому злочестивому царю за грѣхи людей Богъ дароваль попущеніемъ своимъ „царство свѣта сего“ и покорилъ подъ руку его всѣ народы. Истинный князь не долженъ дорожить „славой свѣта сего“ и властью, полученной изъ рукъ злочестиваго царя Измаильтянскаго. Князь Михаилъ Черниговскій это опредѣленно высказываетъ, когда, бросивъ „кочъ“ свой (багряницу, символъ власти) къ ногамъ князей, уговаривавшихъ его подчиниться волѣ хана, воскликнулъ: „Примите славу свѣта сего, кто ея хочетъ“.

Такъ, благодаря историческимъ событіямъ, получаетъ углубленное развитіе въ древней русской письменности и народномъ міровоззрѣніи представленіе, намѣчавшееся въ ней и ранѣе подъ вліяніемъ христіанства, а, можетъ быть, отчасти и манихейства, о противоположности двухъ государственныхъ порядковъ: существующаго — злого и идеальнаго — добраго. Воплощеніемъ этого послѣдняго становится князь — подвигоположникъ, носитель идеальной правды и ея мѣрило, „Мѣрило праведное“.

Выработкѣ понятія о такомъ идеальномъ князѣ и идеальной правдѣ первоначально содѣйствовала преимущественно многострадальная Тверская династія великомучениковъ Христовыхъ, о которыхъ уже было сказано выше. Можно сказать, что эпоха князей великомучениковъ сыграла въ исторіи русскаго государства такую же роль, какъ эпоха римскихъ гоненій противъ христіанства въ исторіи христіанской церкви. Какъ Римъ, поднявши гоненіе противъ христіанъ, укрѣпилъ въ нихъ силу духа, возвеличилъ исповѣдниковъ и мучениковъ Христовыхъ и дароваль Церкви великую побѣду надъ умами всѣхъ народовъ, такъ — гоненія татаръ противъ лучшихъ представителей княжескаго рода Рюриковичей подняли его на

недосягаемую высоту въ глазахъ народа, содѣйствовали созданію тѣхъ идеальныхъ представленій о князѣ и царѣ, которыя господствовали въ умахъ народа въ теченіе всей русской исторіи и тѣмъ укрѣпили русскую власть и государственность. И не столько въ прямыхъ заимствованіяхъ и вліяніяхъ, сколько въ этихъ гоненіяхъ почерпнуло русское единоедержавіе свою главную силу.

Московская династія, какъ мы уже отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, стала въ значительной степени на путь, начертанный Тверской династіей, со времени перваго изъ крупныхъ собирателей Земли Русской. Дмитрій Донской былъ, дѣйствительно, княземъ-подвигоположникомъ, сумѣвшимъ объединить вокругъ своего подвига всю почти Велико-русскую Землю.

Съ того времени, если не всегда въ дѣйствительности, то всегда въ идеалѣ образъ подвигоположника стоитъ передъ очами нашихъ князей, книжниковъ и народа. Идеалъ царя, не считаясь съ дѣйствительностью, становится все болѣе и болѣе возвышеннымъ. Маржерету московитяне говорили, что слово „царь“ священо, ибо написано въ Св. Писаніи. А въ „Повѣсти о честнѣмъ житіи царя и в. князя Феодора Ивановича всея Руси“ дѣлается уже обобщающая канонизація всѣхъ властодержателей: „Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта и долгота неосяжима и неизслѣдима, морю же глубина неизмѣрима и неиспытуета, святыхъ же и крестоносныхъ, преславнѣйшихъ Россійскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизчетна и недоумѣваема...“ Подобное идеализированное представленіе о царѣ господствуетъ въ письменности и народномъ міровоззрѣніи того времени. Не реальный Иванъ Васильевичъ или Феодоръ Ивановичъ властвуютъ надъ Россіей того времени, а к о н н ы й и хъ л и къ, облаченный въ златотканную одежду, окруженный невидимымъ сіяніемъ народнаго властотворчества. Онъ паритъ надъ Россіей „во облацѣхъ“ въ видѣ возвышеннаго идеала, даетъ ей

силы въ борьбѣ и крѣпость въ единеніи, ведетъ ее по пути величія и славы, соприсутствуетъ дѣйствительному земному Правителю въ его правительственныхъ дѣлахъ. Россію того времени можно скорѣе назвать идеалоправствомъ, чѣмъ теократической монархіей. Это идеалоправство переживаетъ вѣка и до нѣкоторой степени продолжаетъ жить въ умѣ народа и дальше, почти до эпохи современной Великой Смуты.

Такъ одинъ изъ идеаловъ своеобразнаго русскаго „естественнаго права“ или точнѣе „правды“ въ лицѣ подвигоположника проходить вѣка и почти до нашихъ дней скрѣпляетъ устои русской государственности.

Вполнѣ сознавая многія непроглядныя стороны русскаго государственнаго строя, видя взяточничество и злоупотребленія воеводъ и дьяковъ, строящихъ себѣ палаты такія, „что неудобъ сказаемыя“, а также — и позднѣйшаго чиновничества, видя недостатки многихъ государственныхъ установленій, народъ продолжаетъ вѣрить, что все это происходитъ потому, что правда до царя не доходитъ. Но, если бы правда до него доходила, было бы иначе, ибо „сердце царево въ рудѣ Божіей“ и въ немъ правда и истина имѣютъ свое пребываніе. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ противоположеніемъ несовершеннаго земнаго порядка и „правды“, творимой непосредственнымъ „подвигомъ царя“.

„Правда“, какъ своеобразная система русскаго идеальнаго права, развивавшаяся отдѣльными путями, отчасти сходными съ западно-европейскими средневѣковыми, стремится достигнуть усовершенствованія государственнаго строя совершенно иными средствами, нежели западно-европейское естественное право XVII-XVIII столѣтій. Послѣднее выводитъ изъ прирожденныхъ правъ чловѣка и гражданина цѣлый списокъ гражданскихъ свободъ и требуетъ въ ихъ пользу ограниченій правъ монарха. Такимъ образомъ, старыя права ранѣе абсолютнаго монарха и выведенныя изъ естественнаго права гражданскія свободы и права народа становятся другъ противъ друга, какъ два враждебныхъ

начала, ратоборствующихъ между собою. Борьба продолжается неустанно, не на животь, а на смерть и рано или поздно угрожаетъ паденіемъ одному изъ противниковъ.

„Правда“ древняго русскаго государственнаго идеала не создаетъ двухъ ратоборствующихъ между собою враждебныхъ становъ, не требуетъ умаленія власти и ограниченій во имя вражды и недовѣрія. Но это не ведетъ къ требованію абсолютизма въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, ибо самодержавіе означало первоначально лишь единство власти во всѣхъ русскихъ земляхъ, а совѣщанія царя съ земскими соборами, Думой и съ иными совѣщательными и законодательными учрежденіями чрезвычайно высоко оцѣниваются народомъ и ставятся ему въ обязанность. Но эта обязанность должна исполняться не въ видѣ опредѣленнаго исходомъ борьбы ограниченія, а во имя взаимной христіанской любви царя и народа. Требованіе любви издавна извѣстно русскому праву. Князья, договариваясь между собою и съ иноплеменными народами, уславливаются быть между собою въ любви, правдѣ и крестномъ цѣлованіи. Въ той же любви-„одиначествѣ“ должны жить князья съ вѣчемъ и своими дружинниками. Во имя любви и правды совершаютъ и поздиѣ князья и цари свое трудное правительственное дѣло, „чтобы“, — какъ выражается Царственная книга: „была православныхъ христіанъ рука высока надъ безъсерменскими и латыньскими“, „чтобы была въ землѣ правда“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ идеаль любви царя и народа не ограничивается требованіемъ взаимныхъ совѣщаній и совместной работы, онъ требуетъ отъ обоихъ сверхдолжнаго и чрезвычайнаго — геройскихъ подвиговъ и самопожертвованія другъ ради друга: отъ князя тѣхъ мученическихъ подвиговъ, о которыхъ уже сказано выше, а отъ народа, чтобы онъ, не жалѣя живота, головы свои слагалъ за вѣру православную, за царя и отечество до послѣдней капли крови.

„За царя“ здѣсь означаетъ, конечно, не за смертнаго чело-
вѣка сейчасъ обладающаго властью, а за тотъ высокій
религіозно-государственный идеалъ, который въ теченіе
вѣковъ стоялъ, какъ свѣточъ передъ глазами русскаго
народа и выводилъ его со славою изъ всѣхъ трудностей
и испытаній.

Такой идеалъ несомнѣнно шире идеала обыкновенной
конституціонной монархіи, употребляетъ иныя санкціи для
достиженія равновѣсія между двумя главными элементами
верховой власти; онъ въ еще большей степени шире
идеала просвѣщеннаго абсолютизма и гораздо возвы-
шеннѣе ихъ обоихъ, ибо слово „совершенствованіе“ упо-
требительное въ доктринѣ нѣкоторыхъ представителей
естественноправового ученія и теоретиковъ полицейскаго
государства, — слишкомъ блѣдно для характеристики дѣ-
ятельности той власти, которая ищетъ подвига и само-
пожертвованія.

Если совершеніе подвига власти является требова-
ніемъ идеальнаго русскаго права, именуемаго правдой, то
цѣлью его ставится общественное благо. Въ русской
исторической литературѣ совершенно напрасно высказы-
валось мнѣніе о томъ, будто бы въ допетровской Россіи
неизвѣстно понятіе общественнаго блага. Оно не только
извѣстно, но является весьма развитымъ понятіемъ.
Князю вмѣняется цѣлый рядъ обязанностей въ области
военнаго дѣла, суда, управленія и даже — множество
нравственныхъ обязанностей, ибо по воззрѣніямъ того
времени отъ праведности князя зависило благосостояніе
страны. Иванъ Грозный опредѣленно заявляетъ, что
цѣлью его царствованія является общественное благо.
Въ „Грамотѣ утвержденной о бѣломъ клобукѣ митропо-
личѣ“ 1564 года онъ говоритъ: „...пряхомъ скипетри
Россійскаго царства мы, в. государь, царь и в. князь
Иванъ Васильевичъ всея Русіи, въ обдержаніе и во
осмотреніе всѣхъ благыхъ благочестиваго Россійскаго
Царствія...“

Какъ мы видѣли выше, забота эта объ общественномъ благѣ не ограничивается исполненіемъ обыкновенныхъ обязанностей положительнаго права, но простирается до исполненія обязанностей права идеальнаго, до подвига и самопожертвованія.

Но благо это понималось иначе, нежели оно понимается въ современномъ внѣрелигіозномъ государственномъ правѣ. Это благо заключалось отнюдь не въ первую очередь въ обеспеченіи экономическаго, матеріальнаго благосостоянія гражданъ. Въ этомъ противоположность крайняя, непроходимая противоположность двухъ міровоззрѣній. Для современности главное, срединное благо — это благо хозяйственное, матеріальное. Вся жизнь вращается вокругъ него, оно — альфа и омега современнаго человѣчества. Тѣмъ самымъ человѣчество возвращается къ дохристіанскому своему состоянію и сквозь вѣка христіанства протягиваетъ руку вѣкамъ языческимъ. Вѣра въ Бога, идеалы, справедливость, добро и красота для него лишь надстройка надъ монолитнымъ зданіемъ экономическаго быта.

Въ эпоху созданія русской государственности общественное благо видѣли не столько въ обеспеченіи матеріальнаго благосостоянія, сколько въ духовномъ спасеніи народа, и правильно думали, что послѣднее естественно ведетъ къ первому. Поэтому государство ставило себѣ три главныхъ задачи: блюстительство православія, водвореніе правды на землѣ и защиту лишь въ общихъ чертахъ физическаго существованія народа.

Изъ означенныхъ цѣлей съ юридической точки зрѣнія наиболѣе важной цѣлью княжескаго подвига является водвореніе „правды“ на землѣ. По воззрѣніямъ лѣтописей уже первые князья-варяги призывались для того, чтобы возстановить ту правду, которой не было во враждовавшихъ между собою родахъ. И во все послѣдующее время правда является цѣлью княжеской дѣятельности. Между прочимъ, это опредѣленно высказыв-

васть Изяславъ Мстиславовичъ въ своей рѣчи къ прѣхавшему къ нему Ростиславу Юрьевичу. Положеніе это не измѣняется и позднѣе, когда оно получаетъ законодательное признаніе въ Псковской Судной Грамотѣ и болѣе романтической характеръ въ Московской Руси.

Во время вѣнчанія царя Ивана Грознаго на царство въ 1547 году митрополитъ возноситъ Господу молитву, чтобы „Онъ посадилъ царя на престолѣ правды... да судить люди твоя правдою“. Также и отецъ Грознаго в. князь Василій Ивановичъ, будучи при смерти, обращается къ брати своей и къ боярамъ своимъ со словами: „стойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ Государь и чтобы была въ землѣ правда“.

Но эта правда земная, правда свѣта сего не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Какъ князь и царь является лишь вершителемъ Божьей воли на землѣ, такъ и правда земная имѣетъ служебное значеніе въ отношеніи къ правдѣ небесной, есть только ея отблескъ, слабое отраженіе. Въ этомъ смыслѣ говоритъ митрополитъ Макарій въ своемъ посланіи къ царю Ивану Васильевичу и его соратникамъ, идущимъ на Казань, повторяя евангельскія слова: „ищите прежде царствія небснаго и правды его, потомъ вся приложатца вамъ...“

Изложенный разборъ правового обоснованія и правовыхъ цѣлей подвига власти приводитъ насъ къ заключенію въ необходимости построенія новаго вида государства, наряду съ правовымъ, именно „государства правды“. Только въ немъ можетъ имѣть свое мѣсто подвигъ власти, и сущность его не исчерпывается правовой стороной. Напрасно было бы думать, что „государство правды“ отличается отъ правового государства только юридической формой государственнаго устройства. Какъ разъ это послѣднее различіе сравнительно менѣе велико. Но государство правды и правовое государство—это два совершенно различныхъ міровоззрѣнія.

На сторонѣ послѣдняго, большею частію, матеріалистическія стремленія, дѣятельность ради маленькаго ежедневнаго счастья людей, ежедневной суеты земной. На сторонѣ государства правды — красота религіознаго пафоса, неустанный трудъ государственнаго строительства, культъ сильной и яркой личности, умноженіе накопленныхъ предками богатствъ и мистика мученическаго подвига ради вышняго идеала. Правовое государство — правленіе сѣрыхъ, будничныхъ людей; государство правды — правленіе героя, подвижника, великомученика. Гдѣ нѣтъ героя на престолѣ, хотя бы въ представленіи народа, тамъ нѣтъ и правды, а только ея поддѣлка.

Поэтому исконнымъ началомъ русскаго идеальнаго права является не наслѣдованіе престола старшимъ сыномъ, а наслѣдованіе лучшаго изъ династіи! Любимый герой древности Владиміръ Мономахъ, будучи младше Святославичей по родовымъ счетамъ, все таки, по убѣжденію народному, былъ законнымъ наслѣдникомъ золотого стола Кіевскаго. Степенная книга объясняетъ возвышеніе молодой, въ отношеніи родового старшинства, Московской династіи особыми заслугами ея представителей. И въ новое время не старшій возрастомъ Іоаннъ Алексѣевичъ, а гениальный Петръ создалъ величіе Россіи и сталъ идеаломъ ея правящихъ круговъ. Такъ идеальное право русское, хотя расходилось нерѣдко, какъ всякій идеаль, съ правомъ положительнымъ, является однако не менѣе существеннымъ, съ точки зрѣнія общаго построенія его системы.

Наша позднѣйшая интеллигенція мечтала безъ подвиговъ и безъ труда устроить государство, мечтала о власти учреждений, гдѣ бы по западно-европейскому образцу съ наилучшими людьми было бы обезпечено наилучшее управленіе. Забыли, что русская культура, вмѣщая въ себя европейскую, шире ея и ею не исчерпывается. И русскій политическій идеаль — шире европейскаго. Вмѣщая въ себя идеаль власти-учрежденія, онъ на этомъ не останавливается.

Правовое государство слишком узко для широких просторов Руси, для широкого размаха ее гения. Русская политическая мысль привносит в построение государственного идеала нечто новое, ей по преимуществу свойственное. Не довольствуясь установлением правового государства и власти-учреждения, русский народ в течение веков требовал от власти гораздо большего и юридически сверхдолжного, он требовал подвига, самопожертвования, творческого страдания.

Подвиг власти, подвиг страдания является крайним проявлением стремления ее к самосовершенствованию. Он возможен только там, где власть имеет действительное побуждение к такому совершенствованию и стремится по пути к нему вести за собой и весь народ. Он возможен только там, где государство не строится на основах неустанной борьбы классов и подогрвваемой революционной идеологией взаимной кровавой ненависти народа и правительства, а на основах любви и правды, доброжелательного сотрудничества всех элементов государства. Он возможен лишь там, где властодержатель не является тенью, лишенной возможности управлять, а личностью яркой и сильной духовно, лучшей личностью среди народа, способной вести за собой весь народ по пути строительства правды государственной. Подвиг власти требует самоутверждения гениальной, выдающейся личности...

В XVI веке закончилось развитие идеала подвигоположничества и „государства правды“. В последующие века идеалы эти то оживали в умах и делах, то исчезали с поверхности жизни, отнимаемые иными идеями и устремлениями. Задачи усовершенствования бюрократического аппарата и развитие начал „правового государства“ отодвинули в тень образ властодержца-подвигоположника, заставили забыть о государстве правды... В нынешний момент величайшего кризиса и падения идеи и факта власти — в задачах восстановления ее

надлежить, быть может, обращаться не только къ примѣрамъ и ученіямъ недавняго времени, но также къ образамъ и ученіямъ болѣе отдаленнаго прошлаго — по новому и съ творческой силой воскресающихъ для насъ — въ ихъ „логической самоцѣнности“...

Мстиславъ Шахматовъ

Прага—Чешская

Іюль 1923 г.